

Гастрольное лето

ТВОРЧЕСКИЙ ПОЧЕРК

Можно сетовать на то, что Ростовский театр во время гастролей в Запорожье не познакомил нас с теми своими спектаклями, о которых в последнее время много писала центральная пресса. Но значит ли, что без них репертуар наших гостей был бедным, случайным? Напротив, театр доказал, что любая часть от его творческого долгого веса и своеобразия.

Отказ от эффектности, сценической «моды», и, как результат вдумчивых поисков, — благородная простота режиссерского языка, ясно выделяющего в полифонии действия основную мысль спектакля; целостность актеров в психологическое осмысление образов, внимание к типажной четкости и глубинное, историческое емкое «зондирование» характеров; особая — неброская — выразительность искусства — мощники живописи, музыки — этими чертами отмечен лучший, на наш взгляд, спектакль гастролей — «Трудовой хлеб» А. Островского (режиссер Я. Цидиновский).

Заслуженный артист РСФСР М. Буцнов в роли Корпелова вдохновенно выразил духовную цельность, талант, гуманизм трудового человека. В современном социальном преломлении этот мотив отчетливо прозвучал в роли матери Валентина, созданной заслуженной артисткой РСФСР К. Абашиной в спектакле «Валентин и Валентина» М. Рощина (режиссер Л. Дурасов). Подобный трактовка и актерская победа здесь — особо принципиальны, ибо от этого во многом зависит идейное звучание сложного произведения. Четкая гуманистическая позиция театра прочитывается и в темах контрастных, где, как в «Трагедии «Желание» Т. Уильямса (режиссер В. Степанцев) предстает нравственное разложение личности в капиталистическом мире. На сочетании меткой детализации и своеобразного пафоса обличения, идущего от гражданских чувств исполнителя — заслуженного артиста Груз. ССР В. Козица, построено здесь образ действия и хищника Стива.

Спектакли засвидетельствовали, что режиссура театра большую ставку делает на талант и труд артистов, видя осязу творческую задачу прежде всего в том, чтобы помочь им наполнить образ истинными соками

жизни, подняться до уровня художественного обобщения.

Интересное обстоятельство: кроме названных, остальные шесть спектаклей — комедии. Гастроли и открывались комедией — «Мир перевернулся!» А. Папаяна. Она первой показала, что в этом жанре ростовчане тоже имеют и свои пристрастия, и свой отчетливый почерк: бурного смеха театр вызывать не любит, а если он и звучит, то на «периферии» спектакля, его же идейно-воспитательная сердцевина раскрывается чаще всего средствами лирико-психологическими, окрашиваясь лишь мягким юмором. Последующие произведения тоже оказались верны этой эстетической платформе и, несмотря на несколько сюжеты, в сценическом прочтении очень сблизились по своей проблематике.

Молодой медик, познав и полюбив во время летнего отдыха людей села, остается здесь работать, преподавал нравственный и гражданский урок при способленцам («Как я отдыхал» В. Покровского). Андрей, тоже молодой герой спектакля «Таисия» — в течение получаса Г. Рябкина, за полчаса до поездки в Дом бракосочетаний на глазах взрослеет и, вспоминая свою куклоподобную невесту, принимает, кажется, совсем иное решение... От животворной силы любви, как в сказке, расцветает внутренне и внешне некрасивая, чудаконата Калугина («Сослуживцы» Э. Вранинского, Э. Рязанова), опаленный чувствует себя, потеряв такую любовь, умница и красавица Юлия («В этом миллом старом доме» А. Арбузова).

Общественная значимость тем спектаклей — а они звучат едино, как нравственная цельность и красота человека — и авторами, и театром выводится постепенно и не броско. Частный случай лишь в результате подробного сценического анализа, накопив необходимую жизненно-логическую и художественную энергию, звучит как обобщение.

Знакома нас с людьми простыми, в обстоятельствах подчеркнута обыденных, театр всякий раз хочет говорить о человеке с большой буквы, о

проблемах — не надуманных, а выдвинутых временем. Всегда ли это удается? Мы уже говорили, что спектакли ростовчан решены в основном через актёра-творца. Так и в названных комедиях. Правильное прочтение характеров углубляет тему сценического разговора. И наоборот, — казалось бы, частная актерская неудача, заземленность отдельного образа, или даже в хорошо сыгранной роли неправильно трактованное место, путает основные идейно-художественные нити постановки, смещает смысл задуманного — через малое сказать о большом, важном.

Большинство актеров не играет «бойко», но прибегает к жанровому нажиму. На первый план выходит психологическая обстоятельность, стремление дать углубленную нравственную характеристику героев. Можно ли сочетать подобное и комедийную форму? Достаточно вспомнить в спектакле «Как я отдыхал» (режиссер В. Молчанов) народного артиста РСФСР П. Лободу в роли лопского старика; заслуженного артиста РСФСР И. Швейцера создающего образ хамелеонствующего Рубина; артиста Г. Гуронского, в каждом спектакле неузнаваемого, тускнеющего рядом со своей женой-актрисой (заслуженная артистка РСФСР А. Крижчовская)... Комедийный дар этих артистов под контролем их тонкого художественного вкуса, безупречного чувства сценической правды. Это то: случай, когда, по выражению Щепкина, между жизнью и сценой, нельзя пропустить «иглолочки».

И по-иному, в ключе вахтанговских мастеров, сочетая психологическую выразительность и броскую театральную форму, создает образ Гусляникова в службе и ный артист РСФСР М. Буцнов. Это яркий пример когда мастерство актёра стоит прощень с труднейшей сценической задачей. Играл чудаконата, которого с тремя летями оттавила жена и который в момент нашего с ним знакомства сообщает, как о великом чуде, что он вновь влюблен М. Буцнов запоминается в почти экстазом духовным состоянием своего героя. Исполнителем не только и не столько обограниженные приметы этого интересного человеческого типа, но вскрыто нечто большее — поэзия, гуманистическая философская суть образа.

К сожалению, подобной убедительности и свободы выражения не достает в роли Нины Леонидовны артистке С. Королевой. Она много делает для типажной запоминаемости образа, но в перевоплощении не всегда чувствует зерно характера — безграничную доброту, чуткость женщины.

Иногда игнорирование комедийной природы, заложенной в роли, приводит к тусклости, затуханности сути образа. Это случилось со способным молодым артистом Э. Демченко в спектакле «Как я отдыхал». По замыслу автора герой находится в постоянном и несколько нервическом диалоге с самим собой.

Спектакль «Сослуживцы» многие театры решают как гротесковую комедию. У ростовчан режиссер Я. Цидиновский ведет артистку М. Казакову, играющую «мыру», «стеруху», «синий чулок» Калугину, по линии психологической. Потеря некоторых комедийных красок здесь окупается драгоценной жизненной правдой, радостной узнаваемостью типа.

Но задав центральному образу жизненно достоверную интонацию, точную логику характера, режиссер в самом финале дает штрих, который кажется чужеродным. «Новая» Калугина разговаривает по телефону, дозволено вульгарно восседала на столе своего рабочего кабинета. Если бы спектакль строился в плане гротесковом, такое поведение ее возможно и нашло бы свое правильное объяснение. Здесь же усматривается некое духовное родство Калугиной с вертливосткой-секретаршей Верочкой, у которой она брала уроки женской неотразимости... А об этом ли речь?

Наиболее цельной по психологическому течению и по внутренней заряженности то улыбкой, юмором, сатирическим аккордом, а то и драматическими раздумьями, представляется нам режиссура Я. Цидиновского в спектакле «Таисия — в течение получаса». Ее характеру наиболее отвечает бытовое точное оформление художника И. Осипова, насыщенная музыкальная атмосфера действия. Цельность спек-

такля и в его актерском ансамбле. Заслуженные артисты РСФСР К. Абашина (Люша), С. Хлытчиев (Венда), артисты В. Поздин (Валерия), Т. Малиновская (Зина), Е. Серога (Елена) демонстрируют не только единое понимание творческой задачи, но и равную, именно ансамблевую степень ее реализации.

Спектакль полнокровен своей лирической взволнованностью, эстетической тональностью. И все же драматург назвал произведение комедией... Выбрав собственную жанровую акцентацию, не потерял ли театр нечто существенного? Издерка видится нам в прочтении образа Андрея Третье поколение в профессорском доме парень избалованный вниманием близких от не так уж случайно тянется к мешачке Елене... Очевидно, и в костюме, и в манере Андрея — Э. Демченко должен быть отпечаток этой «легкости в мыслях». Тогда будет место и комедийному, и сатирическому элементу в разговоре и о духовном музицировании человека, и о выборе им жизненного ориентира.

Обособленно, а точнее выпадая из общего стиля творческой манеры коллектива театра, стоит спектакль «Старый новый год» М. Рощина. Режиссер Ю. Чернышов, пренебрегая уже известными трактовками пьесы, допустил определенный просчет в разработке сюжетной канвы спектакля, в отражении черт его героев, и в донесении до зрителя замысла произведения. А это чрезвычайно важно, ибо сама пьеса несколько замыкается в форме иронически-абстрактного морализаторства. Поэтому и спектакль получается бесспорно не на уровне такого театра, как ростовский.

Запорожские зрители познакомились с интересным творческим коллективом, возглавляемым заслуженным деятелем искусства РСФСР, заслуженным артистом Армянской ССР Я. Цидиновским.

На прощание мы говорим ростовским друзьям: спасибо за истинно эстетическое наслаждение, доставленное запорожцам. И до нового свидания в нашем городе!

В. ГАЙДАБУРА.